Тайная книга

Автор:
Грегори Самак

Тайная книга

Грегори Самак

Интеллектуальный бестселлер

«Тайная книга» держалась в списке бестселлеров Amazon в течение двух месяцев. И это не случайно. Всё: необычный замысел, искусно переплетенные сюжетные линии, неповторимая атмосфера таинственности – призвано увлечь читателя, заставить его буквально «проглотить» роман.

Автор подкидывает тайну за тайной, и каждый раз вам, словно попавшему в лабиринт путнику, кажется, что вы уже близки к разгадке, но, увы, это оказывается иллюзией.

Как иллюзией оказалась уверенность героя, что историю можно изменить, и чтобы спасти человечество от Второй мировой войны и Холокоста, достаточно убрать с дороги того, кто завертел эту кровавую мясорубку – Адольфа Гитлера…

Грегори Самак

Тайная книга

© Ефимов Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Луи-Элиасу, Раффаэле и Стефани

Я иду вперед с уверенностью сомнамбулы по пути, начертанному для меня Провидением.

1

21 декабря 1943 года

Ребенок передвинул белого коня на g3 и в тот же миг заметил, что через два хода неизбежно получит мат. Защититься невозможно. Однако выбора не было. Другие, даже те, кто был старше, наверняка зарыдали бы или еще как-нибудь проявили свое отчаяние, но он остался холоден, как мрамор, и лишь пристально глядел в ледяные глаза противника, словно завороженный их голубым блеском.

Офицер в темной шинели криво ухмыльнулся. Потом сплюнул черную от жевательного табака слюну на припорошенную снегом землю, под ноги охранников и узников.

О том, что победа за ним, ему было известно еще три хода назад…

И он двинул надменным жестом своего ферзя через три клетки, на h3.

Шах.

Ребенок почувствовал, как ему перехватило горло. Во взглядах зрителей, к кому бы они ни относились, к расе господ или недочеловекам, заключенным в лагере, промелькнул ужас, потому что все осознали безнадежность положения.

И все же мальчик упорно старался найти выход. Но выхода не было, и его лицо побледнело.

– Ходи! – рявкнул офицер.

Ребенок вздрогнул. На его глаза навернулись слезы.

– Ходи! – повторил офицер в бешенстве.

Тогда мальчик лихорадочно двинул своего короля: единственная, роковая возможность.

Нацистский офицер растягивал удовольствие, приберегая театральный эффект напоследок. Выпрямившись на стуле, он с рассчитанной медлительностью поставил черного ферзя перед белой пешкой на g5.

Шах и мат.

Ему даже не пришлось отдавать приказ: его люди сразу же схватили проигравшего. Затем, как и было предусмотрено, прижали правую руку ребенка к столу. Мальчик напрасно умолял, пытаясь избежать своей участи: никто не заступился за него.

Один из двух охранников, тот, кто был выше ростом, вытащил стальной тесак с тупым лезвием. Маленький мученик закричал и стал вырываться как одержимый. А хищник тем временем смаковал победу. Достал новый кубик жевательного табака и бросил себе в рот, не сводя глаз со сцены.

Палач оперся о край стола и одним махом отрубил ребенку указательный палец, раздробив кость посредине.

Мраморную шахматную доску залило струей алой крови.

Свидетели этой сцены разделились: одни испытывали злорадство, другие тошноту; но вопли кричавшего от боли ребенка в лагере № 1 слышали все.

Издалека донеслась очередь энного расстрельного взвода, прикончившая семью, уже измученную бесконечным путешествием…

А из-за отрубленного пальца, упавшего на грязный и зловонный плац главного лагеря, с омерзительной жадностью дрались собаки.

I

Rex[1 - Rex – царь, владыка, король (лат.).]

2

Первая половина XXI века Вена, Австрия

Элиас был одиноким пожилым человеком. У него, как и у большинства людей его возраста, были свои привычки и нелепые маленькие причуды, а также смутное ощущение, что жизнь прожита недостаточно полно. Он с особой тщательностью раскладывал и расставлял личные вещи. В его платяном шкафу висели безупречно выглаженные рубашки, а обувь была распределена по цветам и начищена до блеска с таким усердием, что это граничило с одержимостью.

Однако было в старике и кое-что таинственное. В важные моменты своей жизни он бессознательно воспроизводил один и тот же ритуал: беззвучно пробегался пальцами правой руки по клавишам воображаемого фортепьяно, принадлежавшего только ему. И даже через тридцать с лишним лет после смерти жены он по-прежнему накрывал стол на двоих.

* * *

Его фамилия была Эйн. Он происходил из большой и старинной еврейской семьи из Восточной Европы, но вся его родня исчезла в катастрофе войны и отныне полностью принадлежала прошлому.

Элиас и его сестра Елена оставались последними, кто носил эту фамилию, но оба были бездетными, а теперь к тому же и стариками.

К началу XXI столетия у них сохранились лишь смутные воспоминания о том, что когда-то рассказывал их отец, а до него отец их отца – далекие отголоски минувшего золотого века.

Но Элиасу досталось от того времени и кое-что материальное: старинная музыкальная шкатулка, которой он дорожил больше всего на свете. Ее в детстве подарила ему мать.

Шкатулка была из кедрового дерева с перламутровой инкрустацией. Ее механизм, спрятанный за вторым дном, заводился с помощью маленькой стальной рукоятки на боковой стенке. И спустя столько лет он все еще превосходно исполнял знаменитую мелодию Рахманинова из «Рапсодии на тему Паганини», opus 43. Это была его любимая вещь.

Все наследство Элиаса ограничивалось содержимым этой шкатулки. Под крышкой с шахматными мотивами открывалось внутреннее, затянутое потертым пурпурным бархатом пространство, вмещавшее стариковские сокровища: три семейные фотографии с обтрепанными уголками, золотое обручальное кольцо, пачка писем и неисправный пистолет «Люгер».

Это оружие он унаследовал от отца и хранил его как реликвию, в память об ужасных временах, пережитых его родными.

Элиас ничего не смыслил в политике. Впрочем, он был также не слишком общителен. Его нелюдимость окончательно одержала верх, когда ему было тридцать три года. Он тогда потерял Анну, супругу, единственную спутницу жизни, так и не подарившую ему ребенка. Обручальное кольцо, пролежавшее в шкатулке больше тридцати пяти лет, было его собственным.

Он долгие годы провел в Вене, где служил в большой страховой компании Майера, день за днем добросовестно исполняя свою работу и не привлекая к себе внимания.

Казалось, что он до конца исполнил свое предназначение – быть человеком простым и незаметным. И, оказавшись на пороге семидесятилетия, желал лишь одного: уйти на покой, уехать подальше от этого города и как можно дольше дожидаться момента, когда ослабевшее тело окончательно ему изменит и станет добычей смерти.

Он откликнулся на объявление о продаже дома. Венский агент по недвижимости с Райнергассе предлагал приобрести по сходной цене скромное жилище в Верхней Австрии, в Браунау-на-Инне, маленьком местечке на австро-германской границе.

Конечно, лето там было удушливо-жарким, а зима суровой, но вокруг простирались обширные леса, благоприятные для одиноких прогулок.

Кроме того, дом с охристым фасадом и белой окантовкой окон обладал собственной душой. Как ему сказали, он был построен больше двух веков назад для таможенного инспектора. Расположенный на окраине городка, дом словно бросал вызов годам. Наверняка уборщица потратила не один час, чтобы придать ему презентабельный вид. Хотя ей так и не удалось скрыть обшарпанность стенной обшивки и лакированных поверхностей. Вместе с домом Элиас приобрел ради удобства и находившуюся в нем старинную мебель.

Согласно объявлению там было по меньшей мере шесть комнат. На антресольном этаже находилась кухня со старой угольной плитой и массивным деревянным столом. Рядом была маленькая гостиная, куда Элиас сразу же поставил коричневое бархатное кресло с «ушами» и книжный шкаф, привезенный из Вены. Вторая – просторная, буржуазная, с резными панелями на стенах – служила комнатой для приема гостей.

На втором этаже было две спальни. Элиас выбрал более просторную, а другую оставил пустовать. К спальням примыкала ванная комната с облупившимися кранами и истертой фаянсовой плиткой. В ней еще смутно угадывались следы когда-то обитавшего тут семейства, которое Элиас представлял себе строгим, но достойным…

Этот стоявший на отшибе и совершенно заурядный с виду дом был необычен, хотя и скрывал свою истинную природу: на самом деле он был богат воспоминаниями и незабываемым прошлым. А еще от строения исходило

внутреннее тепло, которое раскрывалось лишь тому, кто давал себе труд всмотреться в него по-настоящему.

Вот почему Элиасу понравился дом: в сущности, он был похож на него самого…

3

Он завершил последние формальности, связанные с переездом, а заодно довольно быстро нашел себе приходящую домработницу в лице суровой женщины, типичной австриячки по имени Рената Польстер.

Это была особа лет пятидесяти, некрасивая и неприветливая, но на редкость расторопная.

Они договорились, что Польстериха, как ее за глаза называли в округе, приступит к работе послезавтра.

* * *

Дело было в сентябре. Браунау казался сонным – больше, чем когда-либо.

В один из самых заурядных дней, ближе к вечеру, Элиас решил пройтись по улочкам деревни и по такому случаю заинтересовался темной и пыльной антикварной лавкой, которая выглядела совершенно безлюдной. Но его взгляд привлек особенный предмет, царивший в витрине на старинной деревянной подставке.

Подойдя поближе, он смог рассмотреть его во всех деталях: это была великолепная древняя шахматная доска, инкрустированная пластинками белого мрамора и черного дерева. Казалось, она слегка вибрирует в полумраке.

Дверь была приоткрыта. Элиас вошел в лавку. Никого.

И тут он сообразил, что положение фигур на доске говорит об идущей партии, о беспощадной схватке, в которой у черных преимущество.

Чувствуя, что ему брошен вызов, он потянулся рукой к белому королю.

– А почему вы решили, что ход за белыми? – спросил чей-то глубокий, прямо-таки замогильный голос.

Элиас вздрогнул. И заметил в глубине помещения два светящихся пятна с опаловыми переливами – устремленный на него взгляд.

Он не ответил.

Но почувствовал, что незнакомец приближается к нему. Наконец перед его глазами предстал настоящий ветхозаветный старец, в некотором роде патриарх – сфинкс, охранявший врата таинственного храма.

Элиас попытался скрыть удивление и после короткого молчания, позволившего ему вновь обрести хладнокровие, сказал:

– Прекрасная вещь, не правда ли?

– В самом деле прекрасная, – подтвердил старец, – для настоящего знатока шахмат. Для тех, кто посвящен в тайну Короля, кому небезызвестно, что шахматы – это борьба, в которой порой можно потерять жизнь…

Осторожный Элиас снова помолчал, потом спросил:

– И какова их цена?

– Они не продаются…

– Могу я спросить почему?

Патриарх пробормотал себе под нос, словно говоря с самим собой:

– Лишь в тот день, когда эта партия будет закончена, я смогу с ними расстаться.

Элиас полностью повернулся к нему. И его лицо, похоже, чем-то заинтриговало антиквара.

– Мы с вами уже где-то встречались? – спросил старец.

– Не думаю.

– Правда? Однако вы не ответили на мой вопрос… Так почему же вы полагаете, что ход за белыми?

– Простая логика, – ответил Элиас. – Вернее, математическая дедукция. Белые в четырех ходах от шаха, и мне кажется, я даже могу проследить развитие партии в обратном порядке.

Старца это озадачило на какое-то время. Помолчав, он сообщил:

– На самом деле игрок черными ждет хода противника… уже целых восемьдесят лет.

– Ну, тогда я куплю их у вас еще не скоро!.. – простодушно заметил Элиас.

Таинственный антиквар сделал шаг к витрине, словно чтобы получше рассмотреть посетителя.

И вдруг его светлые глаза удивленно округлились. Подавив сильное волнение, он тихо сказал:

– Зоф, меня зовут Густав Зоф.

– Очень приятно. Элиас Эйн. Зовите меня просто Элиасом.

Они раскланялись, не переставая наблюдать друг за другом.

– Герр Зоф, – продолжил Элиас учтиво, – позвольте вручить вам мою визитку. В том случае, если эта партия когда-нибудь закончится, я, быть может, смог бы предложить вам хорошую цену…

– Благодарю, – рассеянно ответил старый торговец, думая о чем-то другом.

Но когда Элиас уже приготовился переступить порог, тот его окликнул:

– Простите меня, герр Эйн, на самом деле я хотел бы заключить с вами сделку…

Элиас наклонил голову.

– Я готов уступить вам шахматы… – продолжил Зоф, – при условии… ведь это уникальная вещь, знаете ли… При условии, что вы согласитесь закончить эту партию, играя против меня. Что скажете?

– Ну что ж, я только что переехал в Браунау… И буду не против приятной компании. Согласен! Скажем, завтра вечером?

– Очень хорошо! Тогда до завтра, – заключил Зоф и стал задумчиво смотреть, как Элиас медленно удаляется по извивам мощеной улицы.

4

Прошло уже семь дней, как Элиас поселился в Браунау, но многие его вещи по-прежнему находились в картонных коробках, наваленных в прихожей возле входной двери.

Дом Элиас приобрел очень быстро. И осмотрел его всего один раз, так что не был особенно удивлен, когда, разбирая эту груду и разнося вещи по комнатам, случайно обнаружил на антресольном этаже за лестницей помещение, о существовании которого даже не подозревал. Это была маленькая комнатка, со стенами, выкрашенными голубой краской, бывшая детская.

Удивляла лишь ее хорошая сохранность; можно было подумать, что в отличие от остальных комнат время ее почти не коснулось. Хотя агент по недвижимости и уверял его, что в доме никто не жил уже много лет.

* * *

Было одиннадцать часов утра, когда Элиас внезапно ощутил большую усталость. Приписав ее своим хлопотам по обустройству на новом месте, он присел на детскую кроватку, оставленную в углу голубой комнаты, и ненадолго закрыл глаза.

Вдруг из-за накатившей на него сонливости, которой он наверняка был обязан возрасту, а может, и игре судьбы, его рука выронила трость на пол.

Элиас удивился необычному звуку, который издала палка, упав на косые плашки паркета.

Старик продолжил лежать, но его правый глаз медленно открылся и осмотрел пол в этом месте. И он заметил щель, которая выдавала присутствие замаскированного люка.

Движимый любопытством, он с удивительным проворством вскочил, чтобы рассмотреть поближе таинственный ход.

С трудом отодвинув маленькую кровать, он полностью освободил крышку старого люка. Однако на ней не было ни кольца, ни какой-либо ручки. Тогда Элиас подобрал трость и попытался воспользоваться ей как рычагом.

Наконец дерево с треском уступило, и под крышкой обнаружилась древняя лестница со множеством ступеней, терявшихся во мраке.

Элиас стал спускаться в черноту неуверенным шагом. У него возникло впечатление, что он углубляется в какой-то бездонный подвал под домом. Потом почувствовал, что оказался в обширном помещении без малейшего проблеска света и гулком, словно подземный собор.

Его рука нащупала старый фонарь, свисавший с плиты перекрытия. Чиркнув зажигалкой, Элиас зажег фитиль и тут осознал, что попал в самое необычайное место, какое ему только доводилось видеть в жизни.

5

В слабом свете фонаря проступили контуры монументального зала, от которого на двух уровнях отходили и возвращались многочисленные кольцевые коридоры, образуя упорядоченную замкнутую систему. Элиасу показалось, что он находится в огромной, нереальных размеров библиотеке, поскольку все стены помещения, насколько хватало глаз, были покрыты бесчисленными рядами совершенно одинаковых книг, роскошно переплетенных в благородную кожу.

Зал с потолком многометровой высоты образовывал совершенный квадрат. Посредине стояли старинный письменный стол и простой деревянный стул. Стены сходившихся тут коридоров тоже были наполнены книгами. Увиденное сверху все вместе напоминало «розу», круглый витраж в соборе с квадратным алмазом посредине.

Это место было отмечено сверхъестественным величием. «По какой причине здесь, под домом, оказался скрыт этот словно забывшийся сном грандиозный зал?» – недоумевал Элиас. Такой огромный, упорядоченный, со сложной структурой…

В его глазах четкость расположения книг была изумительной. А завораживающее переплетение коридоров, уставленных томами от пола до потолка, вызывало головокружение.

Обернувшись назад, он увидел большую каменную лестницу, соединявшую подземный зал с домом. Он прошел только половину пути.

Возвышаясь над залом, он заметил бледное свечение, исходившее от надписи, высеченной на одной из стен. Внезапно она засияла так ярко, что ее свет на мгновение пронзил одеревенелое тело старика.

Элиас отвел глаза. Сияние залило светом весь зал, выявляя его красоту и сложный орнамент: путь открывался.

Он снова смог различить надпись перед собой: шесть больших, раскаленных добела еврейских букв. Горевших, но не сгоравших.

Зачарованный, он произнес вслух древнееврейские слова: «Сефер Хаим» – «Великая Книга Жизни». И вдруг в его голове раздался звон.

«О Вечный, впиши нас в Книгу Жизни» – эту молитву произносят нараспев каждый год в великий день Прощения верующие евреи по всему миру, вот уже пять тысяч лет. Как раз эта фраза и звенела в его голове.

Ему вспомнилась мелодия молитвы, которую верующие пылко подхватывают в синагоге. Ребенком он стоял рядом с отцом, слушая, как тот поет вместе с остальными: «О Вечный, впиши нас в Книгу Жизни!»

Он подумал об отце. Где он сейчас? Если бы только отец мог присоединиться к нему в этот миг, в таком чудесном месте…

Ведь вот же он, Элиас Эйн, простой старик, живший в бессмысленном веке, оказался в этом невероятном зале.

Его взгляд снова обежал бесконечные ряды книг. Никакого сомнения – он в священном месте. Ради него здесь витает дух Божий. Ему казалось, что он может почувствовать его, почти коснуться.

И тогда, несмотря на старость, он уселся прямо на пол, залитый благодатным золотистым светом, исходившим от огненных букв; его тело сжалось в комок, а ум погрузился в напряженное размышление.

6

Элиасу понадобились долгие минуты, чтобы прийти в себя от нереального масштаба своего открытия. Он встал. Его все еще переполнял восторг. Впрочем,

вплоть до своих самых последних дней он будет ощущать эту силу всякий раз, когда ему случится сюда прийти.

Он ни к чему не осмеливался прикоснуться, проявляя такую же осторожность, как и древние священники Израиля, входившие в самое сердце священного храма Соломонова, в его святая святых, где некогда хранился ковчег Завета.

Столько всего превосходило его понимание.

Оживив одну за другой старые керосиновые лампы огромного помещения, он наконец-то смог в полной мере восхититься великолепием каждой детали. Его взгляд переходил от заставленных книгами стен к извилистым коридорам, которые пронизывали центральный зал. И он принялся обследовать различные его закоулки. Прошло немало времени, прежде чем он наконец обошел его целиком.

Стены библиотеки были покрыты резными полками, и на каждой стояли многие десятки превосходных томов, абсолютно одинаковых с виду.

На корешке каждого тома были вытеснены сочетания золотых букв, тайну которых Элиасу вскоре удалось разгадать. Эти еврейские символы следовали определенной логике: похоже, два первых знака соответствовали буквам алфавита, но затем после тире шла серия других букв, а вот они-то, судя по их расположению, могли обозначать только числа.

В самом деле, в каббалистической традиции каждая древнееврейская буква эквивалентна числу. Эта практика позволяла раскрыть тайный смысл некоторых текстов… Элиас был уверен: перед ним номенклатура многотомной, просто гигантской регистрационной книги.

Мысли теснились в его голове: вправе ли он коснуться ее? Если эта Книга обладает божественной природой, способен ли он понять ее по-настоящему?

Элиас испытал странное чувство: будто он дитя в руках Провидения. Неужели переезд в этот уединенный дом был просто совпадением? Он позволил течению событий направлять себя, и теперь не мог поверить, что все это – лишь дело случая.

Проведя узловатой рукой по лбу и волосам, он поймал себя на том, что думает о своей жизни, об умершей жене, утраченной семье.

Потом осмотрел первую попавшуюся на глаза полку: на корешке тома, начинавшего длинный ряд, были вытеснены буквы О и Р в сочетании с числами П и А. Элиас вспомнил, что А было равно единице, а П заменяло собой 80. Стало быть, вместе это должно было обозначать 81.

Все просто: перед ним восемьдесят первый том регистрационной книги, начинающийся с «ОР…». Он смог проверить это, бросив взгляд на следующие экземпляры, стоявшие на полке: номера томов шли в порядке возрастания, следуя тому же принципу. Это было воодушевляющим открытием, оно доказывало, что логика Библиотеки доступна человеческому разуму.

Элиас переступил порог и взял том, о котором шла речь.

Он показался ему необычайно тяжелым.

Тогда он медленно направился к рабочему столу в центре Квадрата, с бесконечными предосторожностями положил на него фолиант и сел.

Затем, устремив на него взор, сделал вдох и снова принялся изучать. Том был совершенен, словно произведение искусства, и это доставило ему живейшее волнение. На обложке красовались те же тисненные золотом буквы: О/Р-ПА.

Раскрыв драгоценную Книгу, он стал свидетелем поразительного явления: буквы текста на искусно переплетенных листах вдруг словно раскалились и запылали. Они тоже горели, не сгорая… великолепным красно-золотым пламенем, словно на страницы, переливаясь яркими красками, бросал отблески странный костер древних знаков.

В чем же состояла тайна Книги и Библиотеки?

Он приблизил палец к светящимся буквам, и тотчас же его ум словно заволокло туманом. Он отдернул руку – туман рассеялся.

Было слишком поздно поворачивать назад: он должен был понять смысл этих Писаний. Он установил, что текст на пергаменте похож на бесконечную череду чьих-то биографических данных, которые перемежались непонятными, явно закодированными сведениями.

Ему удалось прочитать:

«Виктор Орбан <…> родился 14 апреля 1902 года в Нью-Йорке; скончался 12 мая 1947 года в Будапеште».

Далее следовало множество зашифрованных, совершенно непонятных строк, в которых, видимо, сообщались скрытые подробности родословной этого Виктора Орбана, касающиеся обстоятельств его рождения, жизни, поездок, встреч. Смысл же цифровых вставок от Элиаса ускользал.

Все жизнеописания были построены по одной схеме, но различались по объему; некоторые укладывались в несколько строк, другие растягивались на десятки страниц.

Вид пылающих букв Книги завораживал: в ней содержались записи о жизни и смерти всего человечества.

Для чего она была составлена? Каким Великим Зодчим? Элиас не имел об этом ни малейшего понятия.

И чьей прилежной рукой велась эта Регистрационная книга?

«Виктор Орбан, родился 14 апреля 1902 года в Нью-Йорке; скончался 12 мая 1947 года в Будапеште… (непонятные цифры) родился по воле своей матери Андры Клемент, дочери Ангелы Миллер <…> и Натана Дамиана, сына Густава Дамиана <…>. Семья, строго соблюдавшая обряды. 17092. Союз заключен Натаном <…>, 14 декабря 1923 года в Нью-Йорке (ряд шифрованных сведений)».

* * *

Элиас Эйн – всего лишь мелкий венский страховщик на пенсии, последний и бездетный наследник, с почти угасшей историей, ничего не имевший и никем не бывший, вдруг оказался один на один с тем, что подобало назвать Книгой Жизни.

Несколько часов подряд он бодрствовал при свете фонарей, поглощенный чтением этих документальных и часто невразумительных рассказов в зашифрованных томах. Их тут было столько! За стоявшими на самом виду обнаружились и другие, так что скоро он пришел к убеждению: целой жизни не хватит для прочтения такого количества текстов.

Несмотря на время, проведенное за их изучением, его рассудок оставался ясным. Тогда-то и пришла ему в голову мысль: «Если в этих книгах заключены рассказы о каждой человеческой жизни на Земле, как прошлой, так и настоящей, там наверняка упоминается и о судьбе Анны». Память о ней всегда была его наваждением…

И тогда, придя в возбуждение, он стал блуждать по бесконечным коридорам в поисках тома, помеченного буквами K/A и заключавшего в себе историю той, о ком он жалел больше, чем о ком бы то ни было. Каково же было волнение Элиаса, когда после долгих минут он взял наконец его в руки.

Устроившись за рабочим столом, Элиас начал лихорадочно читать:

«Анна Каспер, дочь Исаака и Марии Каспер, родилась 12 августа 1974 года, погибла в Вене в автомобильной аварии…»

Далее следовал большой закодированный пассаж, к которым Элиас почти привык, но по-прежнему был не способен их расшифровать. Этот был настолько внушительным, что занимал больше двух страниц.

Он продолжил читать понятные части текста.

«Счастливое детство, любовь родителей. <…> Учеба в Вене, блестящая студентка <…>».

Не успел Элиас закончить отрывок, как по его щекам неожиданно потекли слезы. Он вспомнил тот единственный, неповторимый миг, когда она, молодая и полная надежд, появилась в дальнем зале венского кафе «Бравслаф».

Он представил ее ярко-желтое платье и длинные черные волосы, изящно собранные в узел на затылке. В его воспоминаниях все было еще так недавно. Но, взглянув на свою старческую руку, он с жестокой ясностью осознал меру отпущенного ему времени. Анна ненадолго ожила в этих нескольких светящихся строчках, но оставалась потерянной навеки.

Рассказ продолжался:

«Была бесплодна. 12 марта 1995 года встретила в Вене Элиаса Эйна. Брак был заключен…»

Наткнувшись в Книге на собственное имя, он испытал потрясение.

Его схватил за горло страх: ведь он рисковал проникнуть в тайну самого загадочного из законов Провидения – закона собственной судьбы. А это все равно что заглянуть в глаза Смерти.

Несмотря на все его благоразумие и преклонный возраст, от перспективы такой встречи лицом к лицу у него кровь застыла в жилах. Он почувствовал, что не способен на это.

Сможет ли он принять, что оставшееся ему время жизни сведется лишь к необратимому обратному отсчету по пути к небытию?

Убежденный в том, что ничего хорошего его уже не ждет, он все же не решался пожертвовать той малой толикой беззаботности, которая у него еще оставалась.

Вот почему Элиас почувствовал потрясение, панический страх, увидев собственное имя, полностью написанное в книге Бога. Ему пришлось сделать паузу.

Там еще было отмечено множество подробностей его жизни, которые он сам забыл: где состоялась их свадьба, имена присутствовавших родственников и так далее. И опять эти непонятные шифрованные строчки…

Ранним утром, настигнутый усталостью, он провалился в сон, населенный странными сновидениями. И в обманчивом свете пылающих букв едва ощутил легкое головокружение, которое снова им завладело, стоило ему задеть рукой золотые буквы Книги.

Открытый том, лежавший подле сраженного сном Элиаса, тихонько пульсировал, словно следуя ритму его сердца.

7

Не успел только что проснувшийся Элиас вернуться в голубую комнату, как во входную дверь постучали.

Уже наступил вечер: значит, он проспал почти весь день. Наверняка это господин Зоф пришел закончить партию в шахматы. Элиас как можно быстрее поставил на место детскую кровать над люком. Спустился вниз и, открыв смотровое окошечко в двери, попросил антиквара подождать несколько мгновений.

После чего стер следы усталости, оставленные на лице ночными событиями, и надел чистую рубашку.

…Темнело. Элиас открыл дверь и поздоровался. Старец учтиво поклонился и медленно вошел. Они посмотрели друг на друга.

Зоф был по-прежнему в кожаных перчатках. Антиквар казался все таким же старым и одиноким, хотя его лицо выражало живой ум. Спутанной седой шевелюрой он напоминал одряхлевшего, всеми покинутого волка. Но, несмотря ни на что, в нем чувствовалось душевное благородство.

– Надеюсь, вы не забыли о нашей встрече?

– Ни в коем случае, – отозвался Элиас. – Не желаете ли выпить чего-нибудь, прежде чем мы начнем?

– Я никогда не пью спиртного. Вас не побеспокоит, если я закурю?

Оба старика были не слишком разговорчивы. Они сели за маленький прямоугольный столик в гостиной, на который Элиас поставил восхитительные мраморные шахматы. Казалось, Зоф нервничал, доставая из кармана пиджака старую, видавшую виды курительную трубку и кисет с табаком. Как он и ожидал, Элиас согласился играть белыми.

Тогда Зоф по памяти, без малейшего колебания, расставил фигуры в той самой позиции, в какой они оставались десятилетиями. По всей видимости, этот момент был для него торжественным и волнующим.

– Герр Зоф, могу я спросить, против кого вы начали эту партию?

После некоторого молчания тот задумчиво ответил:

– Это старое воспоминание… Партия началась очень, очень давно, а имя и лицо противника почти затерялись на границах моей памяти…

Он остановился, посмотрел на Элиаса, потом продолжил:

– Но, как бы то ни было, думаю, что сегодня настала пора положить конец этой истории.

– Во всяком случае, знайте, что для меня большая честь принять этот знак внимания. Надеюсь, что окажусь достойным, – ответил Элиас учтиво.

Через несколько минут, пытаясь сосредоточиться на игре, он заметил, что старый антиквар медленно снял перчатки.

На его правой руке недоставало указательного пальца.

Чтобы не смущать гостя, Элиас быстро перевел взгляд на доску.

На протяжении долгих часов оба молча играли партию, которую Зоф принимал так близко к сердцу. Тем не менее во время игры они пообещали друг другу встречаться за шахматами каждую пятницу.

Наконец, после ожесточенной борьбы, которая затянулась до поздней ночи, Зоф выиграл партию.

– Ну что ж! Мои поздравления, герр Зоф, вы храбро сражались, – сказал Элиас, когда уже забрезжил рассвет…

Направлявшийся домой старый антиквар производил странное впечатление – будто, уходя, он стал еще печальнее.

8

Утром начался первый рабочий день фрау Польстер. Она явилась к Элиасу вместе с маленьким помощником – мальчуганом лет десяти по имени Томас, которого соседи прозвали Ти-Томом. Ему было поручено регулярно ходить за покупками. С сильным австрийским акцентом жителей долины Инна Польстериха представила робкого мальчика старику, и тот приветливо с ним поздоровался.

После чего дала Томасу задание, а сама занялась собственными делами.

В середине дня Элиас на какое-то время остановился перед окном гостиной и заметил хрупкий силуэт ребенка, удалявшегося вприпрыжку. Старик добродушно улыбнулся, и его глаза сощурились, утонув в морщинках: Ти-Том напомнил ему мальчугана, которым он сам был когда-то. Или же того, которого

они могли бы иметь с Анной, если бы жизнь не распорядилась иначе.

Потом он уселся в свое «ушастое» кресло и подумал, что если бы раньше узнал невероятную тайну этого дома, то ни за что не обременил бы себя домработницей и мальчишкой-посыльным, даже на один день в неделю.

Но дать задний ход, не возбудив подозрений в таком маленьком городке, было уже невозможно.

Уголком глаза через дверь гостиной Элиас наблюдал, как хлопочет Польстериха. Придется ждать по меньшей мере часа два-три, прежде чем она уйдет.

Вернулся, напевая, Ти-Том с пакетами в руках. Немного погодя ребенок осторожно постучал в дверь гостиной.

– Входи, малыш. Чего ты хочешь?

– Здрасьте, герр Эйн. Вот, я нашел это в вашем почтовом ящике.

Элиас, не имевший родственников, удивился почте. Но его внимание сразу же привлекло письмо с официальным штемпелем. На нем были адрес и печать венской нотариальной конторы.

Старик посмотрел на лицо ребенка. Несмотря на неряшливый вид, от него исходило что-то особенное: отсветы в его блестящих глазах на миг напомнили ему Тайную книгу. Этот священный огонь во взгляде мальчугана таил в себе некое послание.

Ти-Том вышел из комнаты. Слышались только звуки мытья посуды. Тогда Элиас распечатал конверт…

9

Вена

Господину Элиасу Эйну.

Господин Эйн,

С прискорбием извещаем Вас о кончине Вашей сестры, г-жи Елены Эйн, которая скончалась от сердечного приступа в своей венской квартире 12 августа сего года на шестьдесят третьем году жизни. Похороны состоятся 16 августа в Вене, на кладбище Оттакринг. Буду Вам бесконечно признателен, если Вы свяжетесь со мной, чтобы мы могли уладить некоторые практические вопросы, касающиеся погребения Вашей несчастной сестры, а также исполнить установленные законом формальности.

Искренне Ваш, нотариус Дорфмейстер

Потрясенный Элиас уронил письмо на пол: отныне он окончательно остался один на свете. У него больше не было ни семьи, ни прошлого, ни будущего. Он закрыл глаза руками.

Елена в земле.

Его любимая сестра сошла в могилу, бедняжка, и никто не проводил ее в последний путь. Какой же одинокой она должна была чувствовать себя… о, любовь моя, моя дорогая сестренка… – рыдал он, уткнувшись лицом в ладони.

Он, не плакавший со дня смерти Анны, своей жены, во второй раз ощутил вкус слез. Сестра его тоже оставила.

Похороны состоялись 16 августа. Однако сейчас уже середина сентября. Наверняка так получилось из-за того, что он сменил адрес.

Из стыдливости он снова бросил взгляд на дверь.

Увидел еще не ушедшего Ти-Тома, который остановился перед его коллекцией книг в маленькой гостиной. Потом заметил Польстериху, торопливо закрывавшую дверь кухни. Проскрипел ее грубый, с провинциальным выговором голос:

– На сегодня у меня все, герр Эйн. Я вам больше не нужна?

– Хорошо, фрау Польстер, можете идти. До завтра, – удалось вымолвить ему.

– До завтра, – ответила она, и старик услышал, как за ней наконец закрылась входная дверь.

Сухой щелчок замка снова вернул его к боли и полному одиночеству.

Он снова подумал о своих близких. И осознал, что с уходом Елены стал последним уцелевшим камнем старинного семейного здания – надолго ли еще? Все его прошлое теперь стало лишь полем руин, а за вечером судьбы неизбежно следовала глухая ночь.

Ему с удивительной точностью вспомнились слова отца, его рассказы о былом престиже их предков, процветавших, пока на них не обрушилось «Окончательное решение»[2 - «Окончательное решение еврейского вопроса» – политика правительства Третьего рейха в отношении евреев. Под этим подразумевалось массовое уничтожение еврейского населения Европы.].

Потом из глубин его памяти всплыла, словно возвращаясь на поверхность глубоких вод, одна сцена, сыгравшая большую роль в их дальнейшей жизни. Сорок лет тому назад отец, уже зная, что обречен из-за болезни, позвал его с сестрой и попросил, чтобы их оставили с ним наедине.

В тот день Густав Эйн сообщил им о своей последней воле. Вскоре ему предстояло расстаться с жизнью, вслед за двумя его братьями и сестрой, сгинувшими в ночи Майданека. И он поведал, что потомков другой семейной ветви, уцелевших после войны, было всего трое.

Во-первых, Йонатан Эйн, его двоюродный брат, перебравшийся в 1938 году в Соединенные Штаты и избежавший ужасов нацизма. Он погиб в 1949 в Риме, за рулем своей машины, вместе с женой.

Йозеф Эйн, единственный представитель немецких Эйнов, был одним из тех немногих, кто уцелел в трудовых лагерях. Своим выживанием он был обязан исключительной физической выносливости. К несчастью, он утонул в возрасте

тридцати одного года, унесенный течением в открытое море с одного из Ашдодских пляжей в Израиле, куда эмигрировал в 1948 году. У него никогда не было детей.

Последним из Эйнов был сам Густав, занимавший пост дипломата в Женеве и защищенный соответствующим статусом.

Элиас и Елена поняли, что со смертью отца станут последней надеждой семьи. И Густав Эйн заставил их пообещать, что они сделают все возможное, чтобы их фамилия не исчезла.

Элиас вспомнил эту клятву, важность которой не понимал все эти годы. И теперь она звучала в нем ужасным приговором.

XX век довершил свое дело, одержал верх, и теперь пески прошлого окончательно погребут фамилию Эйнов. С ее концом завершилась и некая глава Истории. Над палачами восторжествовало Право. Возникло еврейское государство. К чему они теперь, эти евреи Европы, со своей диаспорой, историей, своими древними легендами и своей ностальгией?

К чему упорствовать, желая удержать на плаву обломки минувшей эпохи? Эйны сыграли свою партию. В некотором смысле она совпала с исторической ролью евреев Европы.

Но центр Истории снова сместился в другое место, к Атлантике, если только не за нее, к Азии. Он всех их оставил далеко позади, как бесполезные побрякушки, а вместе с ними и множество могил, и вечные жалобы.

Так Элиас и просидел до самого вечера в «ушастом» кресле, погрузившись в свои мрачные мысли.

Ти-Том сразу почувствовал его горе. И в сердце сироты родилось глубокое сочувствие к старику.

Завтра Польстериха найдет записку, в которой Элиас сообщит ей о своей потребности уединиться. Так он сможет укрыться в тишине спальни.

Элиас поставил на место трость и взял музыкальную шкатулку. Но, когда он вечером ее открыл, на него вдруг нахлынули другие детские воспоминания. Он вновь увидел себя одиннадцатилетним среди красного бархата и позолоты Венской оперы. Рядом с ним сидели мать, отец и Елена. Это был его первый в жизни концерт.

Большой оркестр исполнял рапсодию Рахманинова с таким волшебством, что навсегда оставил след в душе маленького Эйна. А через несколько недель мать подарила ему эту музыкальную шкатулку, которая все еще с ним. И мелодия снова взволновала его до слез. Она стала для него мелодией его семьи.

Он просмотрел один за другим предметы, хранящиеся внутри, потом положил туда письмо от нотариуса и осторожно закрыл.

С наступлением ночи, наконец-то оставшись в доме один, Элиас посвятил себя тому, что стало его единственным интересом в жизни: изучению светящейся Книги.

Он спустился в Зал с тайной надеждой обнаружить там упоминание об умершей сестре. В конечном счете это была безумная надежда – отыскать смысл именно в том, что его лишено.

10

Подняв крышку люка, Элиас почувствовал, как его снова обволакивает покровительственная атмосфера Зала Книги. Он стал искать том, помеченный буквами Е/Л и НП, в котором надеялся найти упоминание о своей сестре Елене.

Вскоре он нашел дату ее рождения и сведения, которые искал. Там же была указана и точная дата смерти, случившейся несколькими неделями раньше. Но его замешательство лишь удвоилось. Рассказ о жизни Елены был на удивление зашифрован и еще более непонятен, чем остальные. Точность дат тоже смутила его. Была ли дата смерти сестры вписана сюда изначально или же появилась в Тексте недавно?

Другими словами: была ли ее судьба заранее определена в Книге? Оставлял ли Регистр хотя бы часть непредвиденного в наших жизнях? Для очистки совести Элиас начал поиски рассказа о чьей-нибудь будущей жизни.

Пролистав десятки и десятки страниц, он не нашел ничего, что доказывало бы это, как вдруг его взгляд наткнулся на пассаж, посвященный незнакомцу по имени Хельмут Лайрумер, которому предстояло увидеть свет… только через двадцать лет!

Согласно тексту, этому Лайрумеру предстояло родиться в Сиднее и умереть в возрасте семидесяти восьми лет. Все было написано вполне четко. И это доказывало, что в Книге излагались события прошлого, настоящего и будущего: она властвовала над временем.

Для Элиаса это открытие подтверждало божественную сущность Книги и неопровержимо доказывало существование Провидения.

«Все уже предначертано, – сказал себе Элиас. – Но, быть может, текст меняется задним числом, приспосабливаясь к той части свободы, которой Бог предположительно наделил человека при Сотворении мира?»

Элиас был в этом глубоко убежден: разве в Писании не говорится, что только Человеку дано изменить планы Провидения? Впрочем, в том и состоит назначение молитвы…

В тот же миг его указательный палец случайно коснулся священных букв. И снова на него накатило странное головокружение.

Он машинально отдернул руку, и туман, начавший окутывать его ум, рассеялся. Заинтригованный этим странным явлением, Элиас решил повторить опыт и умышленно приблизил к светящимся письменам кончик пальца…

И вдруг услышал за спиной приглушенный звук, похожий на потрескивание паркета. Казалось, звук доносился из комнаты наверху или, быть может, ближе? Элиас повернулся на стуле в сторону входа…

Закрыл книгу, быстро встал и крикнул:

– Кто здесь?!

Но не получил ответа.

Из страха, как бы кто не раскрыл его тайну, старик как можно скорее поднялся по ступеням, ведущим в голубую комнату.

Она была пуста.

И только тут он заметил, что уже наступило утро и кто-то колотит во входную дверь. Удостоверившись, что крышка люка хорошо скрыта под детской кроватью, он покинул комнату и пошел открывать. В его голове все еще было полно вопросов.

Когда в дверном проеме появилось властное лицо Польстерихи, Элиас внезапно вернулся к реальности.

– Я уже по меньшей мере десять минут стучу! – сердито бросила тетка.

– Сожалею, фрау Польстер, я задремал, – ответил Элиас.

Она молча вошла, поставила свои вещи у входа и только после этого заявила со своим гнусным выговором:

– Вчера вечером я встретила господина Зофа. Так он мне сказал, что вы с ним в шахматы играете сегодня вечером.

– Ах да… действительно… хм…

– Сегодня вечером. Вы хоть помните об этом?

– Неужели уже пятница? – удивился Элиас. – Да, да… Вы ведь приготовите нам что-нибудь, правда?

В этот момент в прихожей появился запыхавшийся Ти-Том, словно бежал.

– А, вот и ты, очень кстати! – сказала Польстериха ребенку. – А то я тебя уже заждалась… Сбегаешь за покупками, у господина Эйна сегодня вечером гость.

11

Ти-Том был маленьким сиротой, беспризорником, хотя и весьма необычным. Этот уличный мальчуган, всегда неухоженный, довольно плохо одетый, отличался быстрым умом. В Браунау, буржуазном, замкнувшемся в себе самом городке, друзей у него почти не было. И никто не мог сказать, откуда он взялся. Лишь изредка кое-кто из обывателей обращался к нему за мелкими услугами в обмен на еду или несколько монет. Так он и жил, одиноко, но вполне счастливо, и его голова была постоянно переполнена мечтами.

Ти-Том хранил свои секреты, как сокровища: откуда он родом, куда подевались родители, как он попал в Браунау.

Хотя ему и не пришлось протирать штаны за школьной партой, он обладал по сравнению с ровесниками обширными познаниями в разных областях.

Любознательность толкала его раздобывать себе книги повсюду, где только можно, особенно у Марики, очаровательной дочки бургомистра Браунау, Теодора Рифеншталя, которой очень нравился мальчуган, непохожий на остальных. Да порой случалось, что и старый Зоф одалживал ему кое-какие из попавших в его лавку разношерстных старых изданий.

Томас удовлетворялся малым, мылся и утолял жажду чаще всего водой Инна, и полиция пока оставляла его в покое. Так что не было ничего удивительного, что Польстериха наняла его помогать за гроши своему новому работодателю.

* * *

Прежде чем отправиться в магазин Крюгеров с поручением от домработницы, Ти-Том еще раз остановился у прекрасной коллекции книг и журналов за стеклянными дверцами шкафа в малой гостиной. Неожиданно встретившись взглядом с Элиасом, он попятился.

– Любишь книги, Томас? – поинтересовался старик.

Казалось, мальчик был смущен и не осмеливался посмотреть ему в глаза.

– Что же ты молчишь? – мягко спросил Элиас.

– Вы имеете в виду чтение? Романы? – пролепетал мальчуган.

– Ну да, романы, рассказы и все такое. Любишь читать? Я заметил, что ты интересуешься моей библиотекой.

– О да, герр Эйн, очень люблю.

Элиас направился к своему книжному шкафу и открыл его. Скользнул пальцами по корешкам переплетов в поисках подходящей книги.

– Что скажешь об этой? – спросил Элиас, показывая ему красивое старинное издание «Шагреневой кожи».

– Уже читал… – робко возразил Ти-Том.

Старческая рука продолжила свой путь.

– Ну, тогда… как насчет «Необычайных историй»? – поинтересовался он, довольный собой.

Поскольку ребенок по-прежнему выглядел растерянным, Элиас продолжил вопросительно:

– Так ты и Эдгара По читал? Надо же, я и не думал, что ты – тонкий ценитель.

Но, видя, что Ти-Том смущенно улыбается, решился:

– Ладно. Может быть, ты уже сам нашел что-нибудь, что тебе хотелось бы почитать?

И тотчас же палец мальчугана ткнул в небольшую книжечку в кожаном переплете с серебряной каймой. Достав ее, Элиас удивленно прочитал:

– «Шахматная новелла»?[3 - Произведение Стефана Цвейга.] Я вижу, что наши интересы кое в чем совпадают, Томас… – заметил он, протягивая книгу мальчику. – Ты меня удивляешь все больше и больше. Вот, держи и можешь оставить ее себе, это подарок.

Ти-Том с благодарностью посмотрел в глаза бывшему страховщику и понял, что это не просто старик, а в первую очередь – добрый человек и настоящий мудрец.

И, обезоруженный этим неожиданным участием, неловко направился к выходу.

12

Элиас терялся в догадках по поводу невероятного поворота, случившегося в его жизни меньше чем за неделю.

Существование Тайной книги подвергало сомнению его концепцию свободы воли. Да и что тут было от его собственной воли?

Почему Бог избрал его среди стольких других? Чего ждет от него?

Одно несомненно: это открытие грозило превратить его веру в опасную уверенность. Он был в руках Божьих и отныне приобрел способность идти вперед с уверенностью сомнамбулы по пути, начертанному для него Провидением.

Но разве такое возможно?

Вместе с тем Элиасу предстояло научиться жить с совершенно новым страхом: страхом вездесущего ока Господня. И мысль об ответственности, взятой на себя отныне перед Создателем за каждый из своих поступков, казалась ему ужасно тяжкой.

Его ум начинал блуждать, стоило ему вспомнить головокружение, которое он испытывал, прикасаясь к пылающим буквам Манускрипта.

Стрелки на часах в большой гостиной еле ползли. Он порадовался мысли, что неделя подходит к концу. Скоро у него будет целых два дня, чтобы вернуться в большой Зал и попытаться найти там ответы.

Польстериха возилась на кухне, то и дело что-нибудь грубо приказывая маленькому Томасу, который старался изо всех сил. Наконец, когда часы пробили половину пятого, ребенка как всегда холодно поблагодарили и выставили вон. И снова из окна гостиной Элиас наблюдал, как свободный наконец мальчуган удаляется по дороге.

Зоф прибыл ровно в восемь. Когда фрау Польстер открыла ему дверь, Элиасу показалось, будто в доме повеяло ледяным сквозняком. Он тяжело встал с кресла и оправил пиджак.

Зоф вошел и учтиво поздоровался.

– Как поживаете, герр Эйн? Я не видел вас в городе целую неделю. Были так заняты?

– Дела, связанные с переездом, знаете ли, бумаги… – ответил Элиас.

– Надеюсь, никаких дурных новостей? – спросил Зоф почти бесцеремонно.

Элиас сделал вид, будто ищет что-то на столе в гостиной, чтобы избежать проницательного взгляда гостя. И как Зоф смог догадаться о содержании письма из Вены?

– Все хорошо, – сказал он неуверенно, – благодарю за заботу, герр Зоф. Думаю, фрау Польстер приготовила нам отменный ужин. Так что надеюсь, вы проголодались.

– Да, спасибо. А пока, быть может, начнем нашу партию?

Элиас согласился, хотя было очевидно, что сегодня вечером он не очень интересуется шахматами.

Фигуры были расставлены, сделаны первые ходы, и тут старейший из игроков задумчиво произнес:

– Герр Эйн, хотелось бы узнать ваше мнение по одному вопросу…

Эйн поднял на гостя усталые глаза.

– Слушаю вас…

– Как вы думаете, Небытие существует?

– Небытие? – переспросил Эйн удивленно. И, не дожидаясь уточнений со стороны Зофа, ответил: – Я предпочитаю направлять свои мысли скорее к Бесконечности, чем к Небытию.

– Вы ведь верите в Бога, не так ли? – поинтересовался Зоф.

– Я искал ответ на этот вопрос всю жизнь. Но сегодня и в самом деле думаю, что могу ответить утвердительно.

– Видите ли, мне было бы любопытно узнать, что позволило вам прийти к такому заключению…

– Скажем так: я полагаю, что раз есть создания, то неизбежно должен быть Создатель.

Заинтригованный Зоф умолк на какое-то время, сосредоточившись на игре. У Элиаса появилось небольшое преимущество.

– Значит, вы думаете, что все предопределено заранее?

Элиас не ответил. До этого момента он был просто немного смущен расспросами старца. Но теперь вдруг задумался: а кто такой на самом деле этот господин

Зоф? Ведь он, в конце концов, ничего о нем не знал. Возможно ли, чтобы ему было что-нибудь известно по поводу Книги? Неужели вопросы антиквара никак не связаны с теми, которые он задает самому себе? Кто знает, не обнаружила ли Польстериха тайник и не распустила ли слух об этом по всему Браунау? А звук шагов, который ему послышался?.. Элиас испугался подобных гипотез. Его страшило, как бы из-за Зофа или по иной причине не оборвалась его связь с Провидением.

– А что вы сами об этом думаете, герр Зоф? По-вашему, Судьба существует?

Тот нахмурился:

– Думаю, что идея Судьбы противоречит здравому смыслу. Только воля человека способна ее осуществить. Она, и только она одна, в состоянии изменить ход вещей.

– Ну не знаю… – с сомнением отозвался Элиас.

– Да нет же, знаете! Однако не доверяйте видимости… – вдруг отрезал ни с того ни с сего Зоф.

– Я полагаю, что Судьба – в руках Создателя и что это Он указывает место всякой вещи в этом мире…

– Включая и место этого слона на доске? – спросил старец с улыбкой.

Элиас как раз подумал, что его ход продиктован логикой партии, но не ответил. Тогда Зоф взял слона королем и продолжил:

– Видите? Ведь я с таким же успехом мог взять и ладью… Разве Бог не мог создать непредвиденную случайность? Наделить нас способностью самим вносить изменения в Книгу наших судеб?

Глаза Элиаса затуманились в полумраке. Чего добивается этот человек? Помолчав немного, он спросил:

– Но о какой Книге вы говорите, герр Зоф?

В этот момент вошла Польстериха и бесцеремонно прервала их:

– Извиняйте, господа, но ужин готов! Не угодно ли перейти к столу?

Элиас сказал, что они будут ужинать в большой гостиной и он предпочитает сам потчевать своего гостя. Так что, накрыв на стол, домработница убралась восвояси.

Они перешли к столу и молча приступили к ужину, пока Элиас снова не спросил:

– Герр Зоф, вы недавно упомянули некую Книгу… Что, собственно, вы имели в виду?

– Да полно вам, герр Эйн… Книга – это древний символ… напоминающий нам, что всякая вещь подчиняется воле Всевышнего.

Элиаса ответ успокоил лишь отчасти. Может, Зофу ничего и не известно? Он вгляделся в бледно-зеленые глаза гостя, но так и не смог ничего там рассмотреть.

– Я часто мечтал о том, чтобы мы могли изменять ход вещей, – пробормотал Зоф словно самому себе.

– И что бы вы изменили, если бы предоставилась такая возможность?

– Моя жизнь – гора сожалений, герр Эйн. Ребенком я по неосторожности погубил всех своих родных. Это тяжело вынести, особенно когда тебе всего семь лет… А для старика, которым я стал, это становится еще тяжелее с каждым днем. Я всех их столкнул в пропасть, всех. Мне хотелось бы столько всего изменить. Принять правильные решения на шахматной доске, не позволить себя одурачить. Если бы я мог изменить прошлое, я бы вернулся назад и спас их. Я бы не позволил неопытному ребенку, каким был тогда, играть с дьяволом, я бы знал, как отразить его ходы. Если бы я мог, герр Эйн, – а я все еще мечтаю об этом каждую ночь, долгие десятилетия – я нашел бы их убийцу и уничтожил его собственными руками!

«Какая завораживающая личность! – подумал Элиас. – И в какую драму должна была превратиться его жизнь, целиком прожитая вместе с призраками этой истории». Он рассматривал иссеченное морщинами лицо Зофа, его ставшую почти прозрачной кожу, руки с недостающим пальцем.

И подумал о собственной грусти, о любимой сестре, отныне лежащей в земле, о клятве, данной некогда отцу.

Подумал, что его жизнь осталась далеко позади. И что он тоже накопил гору сожалений.

В конце концов, Зоф, как и он сам, был всего лишь обломком Истории. Они оба – жертвы кораблекрушения, выброшенные на континент и затопленные приливами забвения.

За исключением одной детали: Элиас располагал Книгой… А благодаря Книге он мог увидеть бесконечный горизонт божественной воли. И скоро у него появится досуг, чтобы отправиться на встречу с ней, как некогда Иезекииль ходил в пустыню на встречу с Богом своих предков – с надеждой в сердце и со страхом во чреве.

II

Tremendae[4 - От латинского tremendus — страшный, ужасный, приводящий в трепет.]

Проводив Зофа, Элиас был доволен, что наконец-то остался в одиночестве на два долгих дня и две долгие ночи. Хотя от ужина со старым антикваром у него осталось ощущение какой-то незавершенности, которое ему не удавалось себе объяснить.

Он помыл и медленно расставил тарелки по местам.

Его неотступно преследовали все те же вопросы. Он беспрестанно думал о Книге, все время возвращался к собственной жизни, к жизни Зофа, и все это перемешивалось в его голове.

Что ему делать с Книгой? Какая ирония со стороны Автора! Может, он посылает ему сообщение, поручает какую-то миссию?

Жизнь проходит слишком быстро, чтобы можно было решить, какой путь, какое направление избрать. Она просто навязывает себя.

Однако он чувствовал, что в головокружении, которое наваливалось на него при соприкосновении с огненными буквами, таилось что-то основополагающее: Книга Жизни взывала к нему.

И ему удалось настолько отрешиться от мира, что эта мысль вовсе не ужаснула его. Так что, спускаясь этим вечером в Зал Книги, Элиас уже знал, что сегодня в его жизни должна начаться очень важная глава.

Он не стал медлить у полок с инкунабулами и сразу направился к рабочему столу.

Сев за него и облокотившись, Элиас в последний раз подумал о риске того, что собирался предпринять. Затем открыл наудачу лежавший перед ним том Книги в поисках какого-нибудь рассказа.

Но только зря потратил время, потому что, расставшись со старым Зофом и его тайнами, уже не мог думать ни о чем другом, кроме его участи.

Поставив книгу на место, он принялся расхаживать по концентрическим коридорам Зала. Была уже глубокая ночь, когда Элиас Мудрый наткнулся наконец на нужный ему том с тисненными золотом буквами З/О – НР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/gregori-samak/taynaya-kniga/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Rex – царь, владыка, король (лат.).

2

«Окончательное решение еврейского вопроса» – политика правительства Третьего рейха в отношении евреев. Под этим подразумевалось массовое уничтожение еврейского населения Европы.

3

Произведение Стефана Цвейга.

4

От латинского tremendus — страшный, ужасный, приводящий в трепет.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gregori-samak/taynaya-kniga-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить